

УДК 82(091)

И. А. Щербакова

СВОЕОБРАЗИЕ ДРАМАТИЧЕСКОГО ДЕЙСТВИЯ В ВОДЕВИЛЯХ А. П. ЧЕХОВА

В данной работе рассмотрена проблема своеобразия драматического действия в водевилях А. П. Чехова. Это своеобразие исследуется на материале водевилей «Юбилей» (1891) и «Предложение» (1888).

Ключевые слова: Чехов, драматическое неразвитие действия, отчуждение, праздник.

«Мир каждого большого художника – особенный. Но мир Чехова-драматурга отличается, если можно так сказать, особой особенностью» [1, с. 4]. Чехов-драматург не только создал новый тип драмы, но и в значительной мере трансформировал привычный для чеховских современников образ водевиля. В письме А. С. Суворину 23 декабря 1888 г. Чехов пишет: «Когда я испишусь, то стану писать водевили и жить ими. Мне кажется, что я мог бы писать их по сотне в год. Из меня водевильные сюжеты прут, как нефть из Бакинских недр».

«Водевиль – неотъемлемая часть творчества Чехова-драматурга; не отдельная и не обособленная. Это нечто идущее из самой глубины его творчества» [1, с. 237]. Одна из характерных особенностей чеховского водевиля состоит в том, что сюжет его основывается не на развивающемся действии, а, напротив, на том, что действие, ради которого герои собрались и к которому готовятся, не может осуществиться. Комизм в большей степени достигается не самим действием, а, если можно так сказать, его «драматическим неразвитием» [2, с. 68]. Можно увидеть эту трансформацию драматического действия на примере двух водевилей – «Юбилей» (1891) и «Предложение» (1888).

«Отвергая окостеневшую, омертвевшую жанровую условность, отторгавшую водевиль от реальной действительности, Чехов вырабатывает свои жанровые критерии, свое представление о характерных особенностях построения драматической миниатюры» [3, с. 45]. Помимо общего особого характера развития драматического действия этих одноактных пьес-шутков, их сближают и типы главных героев.

Ломов (главный герой водевиля «Предложение») и Шипучин (герой «Юбилея») близки тем, что оба существенно отличаются от привычных водевильных героев 90-х и 1900-х гг. XIX в. – легких, успешных, задорно приходящих к счастливому финалу.

Оба главных героя задумывают совершить предприятие, которому не суждено сбыться. Обоим хочется быть «*en granole*», но получается все «никак у людей» [2, с. 70]. Все их действия встречают множество препятствий, и двигают сюжет не действия героев, а те самые препятствия, которые не позволяют задуманному осуществиться.

Молодой провинциальный помещик Ломов (здоровый, упитанный, но очень мнительный) собирается жениться не потому, что влюблен, а потому, что ему уже 35 лет, потому, что нужна правильная, регулярная жизнь, потому, что не жениться нельзя. «Наталья Степановна отличная хозяйка, недурна, образована... Чего ж мне нужно?» [4, с. 312]. Директор банка Шипучин, герой шутки «Юбилей», собирается отпраздновать 15-летний юбилей банка одним «пусканием пыли» в глаза, по мнению его бухгалтера Хирина. Он сам сочиняет поздравительный адрес, сам покупает себе в подарок серебряный жбан и переплет для адреса в 45 рублей:

«Хорошо, не будь я Шипучин! Это не лишнее: для репутации банка необходима некоторая pompa, черт возьми!.. без этого нельзя. Сами бы они не догадались... Здесь банк! Здесь каждая деталь должна импонировать, так сказать, и иметь торжественный вид... Великое дело – тон! Великое, не будь я Шипучин» [5, с. 206].

Итак, героями задумываются «великие» дела, но реальное их воплощение наталкивается на ряд непреодолимых препятствий. Отец героини водевиля «Предложение» принимает предложение Ломова с радостью:

«Чубуков (перебивая). Голубушка моя... Я так рад и прочее... Вот именно и тому подобное. (Обнимает и целует). Давно желал. Это было моим всегдашним желанием. (Пускает слезу). И всегда я любил вас, ангел мой, как родного сына. Дай Бог вам обоим совет и любовь и прочее, а я весьма желал...» [4, с. 315].

Казалось бы, осталось только объясниться с героиней и в случае согласия праздновать счастливый финал. Но... Как только молодые люди в ходе объяснения касаются спорной собственности Волковых лужков, постепенно завязывается горячий спор, легко переходящий в грубую склоку с криками и взаимными оскорблениями:

«Ломов. Я вам бумаги покажу, Наталья Степановна!

Наталья Степановна. Мне не дороги эти Лужки. Там всего пять десятин, и стоят они каких-нибудь триста рублей, но меня возмущает несправедливость. Говорите что угодно, но несправедливости я терпеть не могу» [4, с. 319].

Ломов умоляет Наталью Степановну выслушать его только с тем, чтобы отстоять свою правоту. Молодым героям изменяет здравый смысл, ведь в случае женитьбы собственность молодых стала бы общей, и вопрос Воловьих Лужков отпал бы сам собой:

«Ломов. ...Воловьы Лужки мои!

Наталья Степановна. Неправда, наши!

Ломов. Мои!.. (хватается за сердце). Воловьы Лужки мои. Понимаете? Мои!

Наталья Степановна. Не кричите, пожалуйста! Можете кричать и хрипеть от злобы у себя дома, а тут прошу держать себя в границах!

Ломов. Если бы, сударыня, не это страшное, мучительное сердцебиение, если бы жилы не стучали в висках, то я поговорил бы с вами иначе! (Кричит.) Воловьы Лужки мои!

Наталья Степановна. Наши!

Ломов. Мои!

Наталья Степановна. Наши!

Ломов. Мои!» [4, с. 320].

Затем в спор вступает отец героини Чубуков, но он не помогает разрешить конфликт, а только подливает масла в огонь:

«Чубуков. Я вашего не желаю и своего упускать не намерен. С какой стати? Уж коли на то пошло, милаша моя, ежели вы намерены оспаривать Лужки и прочее, то я скорее подарю их мужикам, чем вам. Так-то!

Ломов. Нет, вы просто меня за дурака считаете и смеетесь надо мною! Мою землю называете своею да еще хотите, чтобы я был хладнокровен и говорил с вами по-человечески! Так хорошие соседи не поступают, Степан Степаныч! Вы не сосед, а узурпатор!» [4, с. 322].

Устами Ломова Чехов дает очень точное определение своим героям. Они не могут ни говорить, ни поступать по-человечески, здравомысленно. «За внешне уморительными недоразумениями героев проступает основная чеховская тема «больших» пьес – человеческого непонимания и разделенности, отчужденности и неумения любить» [2, с. 74].

Особое качество комизма пьесы мотивировано характерами героев, мелочными, склочными, склонными к сутяжничеству. Вздорность спора, возникшего на почве столкновения амбиций, объясняется не своеобразной логикой жизни, а, скорее, уродством человеческих отношений, в которых, как уже говорилось, очень мало подлинно человеческого. Договорившись обратиться в суд, Чубуков и Наталья Степановна выгоняют Ломова, который с трудом держится на ногах. Действие упирается в тупик.

Водевил до Чехова всегда был комедией интриги или положений, чеховская же шутка – комедия характеров, воссозданная на основе «водевильного происшествия»: у Чехова сами характеры героев

становятся тем главным непреодолимым препятствием, которое не дает осуществиться задуманному.

События здесь имеют иное значение, так как они вытекают из свойств характера героев. Сюжет водевиля основывается не на развивающемся действии, а, как уже отмечалось, на том, что действие, ради которого герои собрались и к которому готовятся, никак не может осуществиться.

Наталья Степановна узнает от отца, что Ломов приходил сделать ей предложение. Она заранее согласна, требует вернуть его, и герои получают вторую попытку услышать и понять друг друга. Вопрос Воловьих Лужков больше не вызывает взаимных притязаний, они действительно пробуют договориться, но дело доходит до вопроса, чья собака лучше: Угадай или Откатай, и попытка диалога быстро сворачивает в прежнее русло спора – склоки с взаимными криками и оскорблениями:

«Ломов. Сударыня, прошу вас, замолчите... У меня лопается сердце... (Кричит.) Замолчите!

Наталья Степановна. Не замолчу, пока вы не узнаете, что Откатай во сто раз лучше вашего Угадай!

Ломов. Во сто раз хуже! Чтоб он издох, ваш Откатай! Виски... глаз... плечо...

Наталья Степановна. А вашему дурацкому Угадаю нет надобности издыхать, потому что он и без того ужедохлый!

Ломов (плачет). Замолчите! У меня разрыв сердца!!

Наталья Степановна. Не замолчу!» [4, с. 326].

Страсть персонажей к спорам, несогласиям, взаимным оскорблениям оказалась сильнее сердечной склонности, мечты о браке.

Мысль Чехова о разъединенности, взаимном непонимании людей звучит с новой силой.

И даже «счастливый» финал не оставляет настоящей надежды на взаимное счастье:

«Чубуков. (Соединяет руки Ломова и дочери.) Она согласна и тому подобное. Благословляю вас и прочее. Только оставьте вы меня в покое!

Наталья Степановна. Но... все-таки, согласитесь хоть теперь: Угадай хуже Откатай.

Ломов. Лучше!

Наталья Степановна. Хуже!

Чубуков. Ну, начинается семейное счастье! Шампанского!» [4, с. 330].

Подобный финал скорее пародия на традиционный водевильный счастливый конец. Первая часть водевиля закончилась уходом Ломова, вторая не столько соединением героев, сколько обмороком Ломова, доведенного в ходе нового спора до бессознательного состояния. Все целенаправленные попытки героев найти общий язык приводили лишь к взаимным спорам, оскорблениям и конфликтам. И в финале водевиля герои его не находят, остава-

ясь разобщенными. Можно сказать, что объединилось разъединение, согласовалось несогласие.

Финал «Предложения» удивительным образом перекликается с финалом «Юбилея». Депутация служащих банка застаёт героев стонущими, лежащими в обмороке:

«Член банка (продолжает в смущении). Затем, бросая объективный взгляд на настоящее, мы, многоуважаемый и дорогой Андрей Андреевич... (Понизив тон.) В таком случае мы после... Мы лучше после...

Уходят в смущении» [5, с. 220].

Шипучин, главный герой водевиля «Юбилей», так же как и Ломов, предпринимает множество попыток организовать праздник, покупая подарки и делая самому себе поздравление:

«Шипучин. Великолепно. Великолепно, не будь я Шипучин! Общее собрание будет в четыре. Пожалуйста, голубчик. Дайте-ка мне первую половину, я прошудирую... Дайте скорее... (Берет доклад.) На этот доклад я возлагаю громадные надежды... Это мое profession de foi, или, лучше сказать, мой фейерверк...» [5, с. 206].

Но неожиданно в банк приезжает жена Шипучина Татьяна Алексеевна. И все попытки мужа отправить ее домой, дать возможность Хирину спокойно готовить доклад ни к чему не приводят:

«Шипучин. Однако, Танюша, мы мешаем Кузьме Николаевичу. Поезжай домой, милая... После...

Татьяна Алексеевна. Ничего, ничего, пусть и он послушает, это очень интересно». [5, с. 211].

Героиня водевиля «Юбилей» вовсе не предпринимает попытки «услышать» других (равно как и герои «Предложения» слышали только себя и «свое»). И действия Шипучина, как и Хирина, начинают наталкиваться на все возрастающие преграды, на невозможность осуществить задуманное.

Почему же так происходит?

Один из авторитетных исследователей водевилей Чехова Б. Зингерман считал, что одна из основных причин этой невозможности осуществить задуманное заключается в буднях, которыми живут герои. Будни бесцеремонно вторгаются в подготовку праздника и не дают ему случиться. Другими словами, содержание пошлых, мелочных будней определяет и фальшивый, вымученный «праздник» [2, с. 220].

Драматическая напряженность действия в «Юбилее» существенно усиливается с появлением в банке Мерчуткиной, старухи в салопе, которая приходит требовать причитающиеся, как она считает, ее мужу 24 рубля 36 копеек. Шипучин поначалу пытается деликатно выпроводить нежданную просительницу, как ранее и собственную жену:

«Шипучин. Очевидно, вы, сударыня, не туда попали. Ваша просьба по существу совсем к нам

не относится. Вы потрудитесь обратиться в то ведомство, где служил ваш муж.

Мерчуткина. ...Я уж и голову потеряла, да спасибо зятю Борису Матвейчу, надоумил к вам сходить. «Вы, говорит, мамаша, обратитесь к господину Шипучину; они влиятельный человек, все могут...». Помогите, ваше превосходительство!» [5, с. 213].

Шипучину не удается справиться с Мерчуткиной, и он поручает ее Хирину. И тут между ними начинается безобразный скандал, который не прекращается практически до конца пьесы. Все возможные действия героев по подготовке юбилея терпят сокрушительное поражение.

«Хирин. Одним словом, у вас на плечах не голова, а вот что... (Стучит пальцем по столу, потом себе по лбу.)

Мерчуткина (обидевшись). Что? Ну, нечего, нечего... Своей жене постучай... Я губернская секретарша... Со мной не очень!

Хирин (вспылив, вполголоса). Вон отсюда!

Мерчуткина. Но, но, но... Не очень!

Хирин (вполголоса). Ежели ты не уйдешь сию секунду, то я за дворником пошлю! Вон! (Топочет ногами.)

Мерчуткина. Нечего, нечего! Не боюсь! Видали мы таких... Скважина!» [5, с. 214].

По мере разрастания конфликта с взаимными угрозами и оскорблениями становится очевидным, что подобный стиль отношений для героев водевиля вполне привычен и нормален. Тема пошлой обывательской среды начинает звучать с новой силой, а фатальная невозможность для героев осуществить задуманные праздничные мероприятия обнаруживает, что за «грошовые» люди перед нами. Чем больше они стараются выглядеть благородно, пристойно, тем резче проступает их душевная мелкота и ничтожество.

«В этих двух водевилях герои задумывают дело, которое не может их «охватить», объединить, связать воедино» [2, с. 79]. Перед нами две разные попытки сделать все «как у людей». И каждый раз все кончается не по-людски. Герои изо всех сил «толкают вперед сюжет» жизни «по-людски», но он не может осуществиться. И это драматическое неразвитие действия становится характерной особенностью двух чеховских водевилей.

Как видим, Чехов действительно открыл широкие возможности обновления и творческого развития одноактной драматургии: новый тип водевильных героев, своеобразие их действий, отсутствие счастливого финала, проступающий сквозь водевильную ситуацию глубокий драматизм бытия.

Уже с конца 1880-х гг. Чехов переносит свои творческие усилия в область большой драматургии. Но «ключ к чеховской диалектике, а через

нее – ко всей его драматургии будут давать нам водевили» [2, с. 82]. Пошлая обывательская среда, так колоритно представленная в водевилях, будет вынесена за рамки изображаемых в пьесе персонажей (чиновничество в «Трех сестрах», купцы в «Вишневом саде»). Драматическое неразвитие действия растворится в подтексте, подводных те-

чениях и философских настроениях. А основная чеховская тема отчужденности, разделенности людей, их фатального одиночества зазвучит с новой силой. Такой путь Чехова-драматурга диктовался жизнью, которая раскрывалась ему все шире и глубже, звал к решению все более сложных общественных и бытийных проблем.

Список литературы

1. Паперный З. С. Вопреки всем правилам. Пьесы и водевили Чехова М., 1982.
2. Зингерман Б. И. Очерки истории драмы XX века. М., 1979.
3. Бердников Г. П. Чехов-драматург М., 1981.
4. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем в 30 т. Сочинения. Т. 11. М.: Наука, 1986.
5. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем в 30 т. Сочинения. Т. 12. М.: Наука, 1986.

Щербакова И. А., аспирант.

Московский институт открытого образования.

Авиационный переулок, 6, г. Москва, Россия, 125167.

E-mail: IrinaSherbakovane@gmail.com

Материал поступил в редакцию 26.01.2011.

I. A. Sherbakova

THE ORIGINALITY OF THE DRAMATIC ACTION IN CHEKHOV'S VAUDEVILLES

The article is devoted to the originality of the dramatic action in Chekhov's vaudevilles. The originality is studied on the matter of vaudevilles "The Jubilee" (1891) and "The Proposal" (1888).

Key words: *Anton Chekhov, a dramatic effect undeveloped, alienation, a holiday.*

Moscow Institute of Open Education.

Aviatsionny pereulok, 6, Moscow, Russia, 125167.

E-mail: IrinaSherbakovane@gmail.com